

Р.Е. Гергилов

НЕМЕЦКОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

В статье анализируется исторический процесс институционализации немецкой социологии перед Первой мировой войной. В это время существовало две основные теоретические школы. Первая видела социологию во главе социальных наук, вторая считала ее независимой точной наукой. Автор представляет теоретическую борьбу этих школ.

Немецкое социологическое общество было основано 3 января 1909 г. в Берлине. 7 марта того же года в берлинском отеле «Эспланада» состоялось первое организационное собрание [1, S. 11]. Первый съезд немецких социологов проходил 19–20 октября 1910 г. во Франкфурте на Майне [2]. В президиум съезда входили: Ф. Тённис, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Г. Бек, А. Плетц, Ф. Штайн, А. Фиркандт и М. Вебер [2; 3].

В основании социологического общества были заинтересованы ученые самых различных, а порой и конкурирующих научных направлений. Это бросается в глаза при ознакомлении со списком лиц, подписавшихся под организационным воззванием [2]. На первом и втором съездах доминировал М. Вебер и близкие ему по духу коллеги [4]. Сам же он, возглавлявший счетную комиссию съезда и в 1912 г. сложивший с себя эти полномочия, взял на себя обязанности идейно-содержательно-го наполнения программы съезда.

Несмотря на то, что ему, на первый взгляд, удалось заложить в основу программы съездов выработанный им постулат свободы от ценностей, теоретического и практического единства НСО ему достичь не удалось. Эта, как он сам считал, неудача дала ему повод выйти из состава общества. Программу Вебера можно лучше

всего понять в контексте конфликта, ранее разгоревшегося между ним и Союзом социальной политики вокруг вопроса о свободной от ценностей науке [5, S. 440–442]. Чтобы избежать возможных внутренних организационных проблем, этот союз принял решение не давать никаких политических рекомендаций и требований. На самом деле это решение было обусловлено скорее внутренними и политическими соображениями, нежели чисто научными. Несмотря на эмпирический характер социальных исследований (анкеты, опросы), Союз продолжал ориентироваться в основном на решение социально-политических проблем, что к тому же соответствовало его названию. Поэтому, по мнению М. Вебера, НСО должно стать научным объединением представителей социальных наук, кристаллизующим в себе научную составляющую деятельности Союза социальной политики [4, S. 78].

Эта ориентация на Союз социальной политики оставалась вплоть до последних дней существования Веймарской республики. Многие ее видные представители были членами руководящих органов этого союза. Несмотря на институциональное и персональное пересечение этих двух организаций, дискуссии, проходившие на социологических съездах, со временем все более тематически отличались от круга проблем, рассматриваемых на заседаниях этого Союза. И хотя, на первый взгляд, программа М. Вебера и имела новаторский характер, тем не менее, она была поддержана в духе тематических традиций Союза социальной политики.

Эту программу М. Вебер представил на первом съезде социологов. В соответствии с ней основой деятельности НСО должны быть научные исследования, а не пропагандирование практических идеалов [2, S. 39]. Более того, обсуждение таковых на заседаниях немецкого социологического общества считалось недопустимым. Практические идеалы основываются на ценностных суждениях, которые не могут быть предметом науки, имеющей дело лишь с фактами и представляющей их, — научно «очищенными», — общественности [6, S. 515]. Социальные исследования были задуманы как чисто эмпирические, находящиеся в лучшей традиции анкетирования Союза социальной политики. НСО не должно было представлять собой никакой академии или «привилегированного общества», а быть лишь «рабочим сообществом», проводящим и координирующим исследования в социальной проблемной области. М. Вебер разработал три проекта: исследование современной прессы, союзов и объединений и, по предложению Ф. Эйленберга, исследование элит с помощью анализа ведущих профессий в рамках того или иного общества.

В исследованиях прессы речь должна была идти об оценке структурной релевантности современной прессы, ее политического обратного действия, влияния на властные отношения в политических структурах и обществе в целом, об отношениях покупателей и рекламодателей, о деловой этике и т. д. Таким образом было запланировано по возможности всестороннее исследование нового феномена, сформировавшего образ современного общества. Полученные результаты могли значительно расширить границы самопознания общества в целом.

Такая обширная рабочая программа не могла быть реализована одним, хотя и очень талантливым, человеком. Для ее выполнения требовалась, как минимум, группа исследователей. Кроме того, для реализации проекта требовалось участие заинтересованных представителей самих исследуемых структур, что способствовало бы более высокому уровню информационной обеспеченности.

То же касалось и менее актуальных тематик. В провале этой программы и, тем самым, в неудаче всего веберовского предприятия играло роль множество факторов. Одним из существенных был недостаток финансовых средств. Для реализации проекта по исследованию прессы было необходимо 25 тыс. рейхсмарок. В наличии имелось 20 тыс. Остальные 5 тыс. М. Вебер надеялся вскорости собрать, но именно отсутствие этой сравнительно малой суммы и не позволило осуществить разработанный проект [2, С. 61].

Не менее существенными были и иные факторы: постоянные ссоры и скандалы в прессе, в которые был до некоторой степени втянут и сам Вебер, явная невозможность содержательно объединить большое количество различных ученых и, наконец, невозможность добиться единодушного понимания социологии и ее задач, которое считал правильным М. Вебер.

Но даже и без реализации его исследовательской программы НСО внесло в свои организационные структуры черты веберовского стиля мышления и его понимание социологии. Основная часть работы, — как это планировал М. Вебер, — должна проводиться в комитетах, в которые могут быть дополнительно избраны известные социологи, признавшие теоретико-методологическую платформу и основные принципы деятельности НСО [2, С. 40]. Одним из таковых был отказ от ведомственного партикуляризма и от признания социологии как самоцели. Ввиду того, что основной деятельностью НСО было научное исследование, следовало децентрализовать области компетенции. Характер работы должны определять не съезды, а созданные для выполнения конкретных задач комитеты. Эти комитеты должны быть совершенно самостоятельными. НСО избирало в каждый из них лишь председателей и двух-трех членов. Это касалось и возможности кооптации исследователей со стороны. В этих комитетах соблюдалось равноправие кооптированных членов и членов НСО.

Кроме того, было задумано создание отделов для выполнения специальных задач. Примером тому может служить отдел статистики, созданный под эгидой Г. Майра [7, С. 61]. Эти отделы должны были обладать большой автономией и так же, как и комитеты, обладать правом кооптации в свои ряды разных независимых исследователей. Вебер планировал, наряду со статистическим, создать отдел национал-экономики, в состав которого могли бы входить лишь экономисты-теоретики.

Стремление комитетов к автономии и желание создать отдел теоретической экономики дают возможность говорить о том, что для Вебера различия между категориями «социология» и «социальные науки» были очень незначительными. Независимость комитетов и отделений отражали независимость различных теоретических направлений внутри социальных наук вообще. НСО как связывающая скрепа институционализировало лишь стремление придать исследованиям, проводимым его членами, научный характер.

Они были далеки от представления социологии как самобытной академической дисциплины. «Социология» как организационный термин указывала лишь на возможную кооперацию представителей различных социальных дисциплин и на общий интерес, давший возможность этой кооперации и рассмотрения объектов собственной дисциплины в аспекте социальной обусловленности. На такой основе было совершенно осмысленно объединение усилий политэкономов (М. Вебер) с теоло-

гами (Э. Трёлч), кристами (Г. Канторович, Ф. фон Лист), историками (К. Лампрехт и К. Брейзиг), философами (Г. Коген и П. Наторп).

С этими планами Вебера многие были несогласны. Его оппонентов можно разделить на две группы. Первая, возглавляемая Ф. Тённисом, хотела придать социологии философскую ориентацию. Вторая, представленная Р. Гольдшейдом и Ф. Оппштеймером, отрицала постулат свободы от ценностей и стремилась навязать социологии некую социал-реформистскую программу.

На первый взгляд, социально-философский подход Тённиса не противоречил веберовскому. Систематизация основных социальных категорий тоже занимала много места в творчестве Вебера. Теннис расходился с ним в том, что сама эта систематизация была для него неким синонимом социологии, с ее специализацией, выходящей за рамки отдельных социальных наук. Тем самым для социологии, по его мнению, был открыт путь к утверждению себя в качестве самостоятельной науки.

Разногласия между Тённисом и М. Вебером не выносились на открытое обсуждение, но отсутствие явного конфликта не могло скрыть того факта, что их взгляды на социологию, ее предмет и метод были совершенно различными. Согласно Веберу, в задачу социологии входило познание общества, а сделать это она могла лишь освободившись от ценностного подхода. При этом он исходил из вполне практических соображений. Именно свобода от ценностей должна быть гарантией того, что реальность в рамках избранных категорий понята правильно и что тем самым это полученное знание может быть снова переведено в интенциональное действие [8, S. 607]. Таким образом систематизация основных категорий оказывалась вне рамок социологии, а методологическая рефлексия методов и основных категорий была подчинена эмпирически добытому знанию.

Тённис поддерживал ценностно-нейтральный постулат Вебера, но обосновывал его иначе. Социология была для него, в первую очередь, социальной философией и, тем самым, рефлексией «основных фактов» и категорий социальной жизни в целом [2, S. 17]. Поэтому свобода от ценностей была, по его мнению, не чем иным, как свободой социологии от всех контекстов практики.

Мышление и познание, по его убеждению, изначально подчинены воле. Акт волеизъявления он идентифицировал с социальными потребностями. Таким образом, этика у него представляла собой некую нормативную рефлексией межличностных отношений. Наука как форма мышления хотя и имеет свои истоки в социальном акте волеизъявления, постепенно эмансипируется от всех непосредственных и опосредованных влияний практических интересов [2, S. 19]. Познание реальности становится ее основной целью.

Тем самым исчезают обусловленные практикой интенции Вебера. Для Тённиса свобода от ценностей значит не что иное, как «наблюдение и анализ социальных событий, происходящих вокруг нас, как если бы они имели место на луне и вовсе нас не волновали, взгляд на человеческие страсти, как будто они углами треугольника или поддающимися расчету кривыми» [2, S. 19].

Выстроенная на таком фундаменте социологическая программа Тённиса представляла собой противоположность веберовской и превращалась в философское учение, оперирующее категориями, основная функция которых сводилась к обозначению социальных отношений и форм волеизъявления таких феноменов, как

нравы, право, религия, общественное мнение, церковь, государство и т. д. Таким образом, задача социологии состояла в разработке категорий, с помощью которых и можно было понять социальную реальность. Она не рассматривает социальные факты как таковые, а представляет в распоряжение социологу пригодные для его исследований инструменты [2, S. 24]. Намного сложнее скрывать расхождение этих двух социологов были разногласия между Вебером и теми, кто ожидал от социологического познания непосредственных нормативных результатов. Наряду с социал-демократическими политиками — Э. Бернштейном и Э. Давидом — были и такие социологи-реформаторы, как Р. Гольдшейд и Ф. Оппенгеймер [9], которые всеми силами старались нейтрализовать научное и организационное влияние М. Вебера на НСО [10, S. 607].

Сам Оппенгеймер придерживался позитивистской традиции О. Конта. Для него социология восседала на «королевском троне наук о культуре» [11, S. 42]. Она должна обнаруживать квинтэссенцию каждой из названных наук, т. е. вычленять из нее то, что относится к социуму в целом. По мере вычленения и описания этих присущих каждой гуманитарной науке социальных черт, наступает очередь социологии, обеспечивающей теоретический синтез [11, S. 192]. В качестве науки она должна формировать и предоставлять в распоряжение обществу по возможности единое и подчиненное минимуму законов знание [11, S. 191]. Но в связи с тем, что объект социологического исследования имел, по его мнению, ярко выраженный исторический характер, а сами законы — суть законы истории, выработанный им всеобъемлющий синтез, его «Система социологии» представляла собой опирающийся на законы универсально-исторический трактат. Такая трактовка социологии подверглась критике в дилетантизме как со стороны противников «социологии» как самостоятельной академической дисциплины (Г. фон Белов), так и со стороны самих социологов (ученик фон Визе В. Флейгельс) [12; 13].

Между веберовским пониманием социологии как ключевой категории социальных наук и оппенгеймеровской концепцией синтеза социальных дисциплин с социологией во главе, несмотря на их временное пересечение, пролегла пропасть. Вебер, имевший право профессионально высказываться по вопросам права, политэкономии и истории и к тому же выпустивший книгу по истории музыки, нес на себе печать того времени, когда был возможен переход из одной научной дисциплины в другую, а профессиональная принадлежность ученого зависела от совокупности исследуемых им проблем. Оппенгеймеровский пафос синтеза, напротив, отражал уже распад и утрату единства объекта познания, бывшего, впрочем, де-факто единым.

Его разногласия с Вебером состояли, кроме прочего, и в вопросе свободы от ценностей. Несмотря на то, что Оппенгеймер иногда и положительно высказывался об этом методологическом принципе, все же трудно не заметить того, что в его основополагающих концепциях господствовала нормативность [11, S. 40]. Создание государства, классовое деление и эксплуатацию он рассматривал как результат захвата «народом-захватчиком» территории и введение на нее монополии. Тем самым эти «захватчики» становились господствующим слоем общества. Последствием такого рода «захватов» являются то затухающие, то разгорающиеся с новой силой общественные беспорядки и неурядицы. Изучение социально-исторических механизмов привело Оппенгеймера к требованию отмены собствен-

ности. Он считал, что только такая отмена могла бы способствовать возникновению здоровой конкуренции, способствующей гармоническому развитию общества. Отмена земельной собственности, эксплуатации и развитие здоровой, продуктивной конкуренции – суть нормативный фон оппенгеймеровской системы [14, S. 321].

Еще до защиты своей докторской диссертации по национал-экономии в 1909 г. он сотрудничал с различными союдами по проведению реформ, в частности с движением за проведение земельной реформы [7, S. 77, 136]. В течение всей своей жизни он организовывал и поддерживал проекты поселений в Германии и Палестине.

Но самый сложный конфликт был у Вебера с Гольдшейдом, который был одним из сооснователей Венского социологического общества [15; 16, S. 58–59]. По признанию Тённиса, создание НСО было идеей Гольдшейда, а проведение Первого социологического съезда стало возможным лишь благодаря его активности и организаторским способностям. Он лично посетил всех предполагаемых участников и каждому изложил план предстоящего мероприятия [17, S. 430]. С первых дней существования НСО Гольдшейд входил в его организационный комитет и на съездах участвовал в работе почти всех комиссий и комитетов. Запланированный на 1914 г. в Вене очередной съезд социологов рассматривался многими как «его» съезд.

Научные позиции Вебера и Гольдшейда были диаметрально противоположными, т. к. для последнего не существовало свободы от ценностей. Он считал, что как раз социология с помощью исследования общества должна объективно определять цели его деятельности. Если история – это наука о последовательном ходе событий, то социология – это учение о социальных взаимозависимостях, предполагающее исследование возникновения и развития общества как такового. Таким образом, она является своего рода «старшей» наукой, объединяющей все отдельные социальные науки, подобно биологии, объединяющей науки, изучающие органический мир [16, S. 321].

Определяя таким образом социологию, Гольдшейд рассматривал ее как науку о законах, цель которой, в отличие от истории, состояла в распознавании законов социальных событий. Социология, по его убеждению, суть наука об «относительных константах» исторического процесса [16, S. 235]. Тем самым она может содействовать исторической науке при конструировании «исторических рядов». Нормативной она является ввиду вписанности ценностей в объекты ее исследований. В конечном счете, как полагает Гольдшейд, и в биологии здоровье и сохранение рода является предметной ценностью [16, S. 25].

Такое сравнение в устах Гольдшейда было более чем простой риторической фигурой. Будучи монистом, он был убежден как в единстве всего живого, так и в единстве методов его познания. По его мнению, между социальными и естественными науками не существует фундаментального различия. Только имея в виду названные методологические предпосылки, можно рассматривать теорию Гольдшейда о «человеческом капитале» общества как его важное природное богатство. Общество может расточительно израсходовать свой жизненный капитал и, выражаясь языком О. Шпенглера, подготовить, тем самым, свой собственный закат.

Как монизм теоретически объединяет раздельное, так, по мнению Гольдшейда, он должен поступать и в сфере практики. Теоретический дуализм своими корнями

уходит в социальную сферу и неразрывно связан с эгоистической волей господствующих социальных слоев, создавших ради сохранения своих властных практик пропасть между теорией и практикой с тем, чтобы предотвратить возможность переноса императивов должностования в сферу сущего. Тем самым дуалистические интерпретации – лишь часть взаимозависимостей подавления и уже в самом подходе ложные, т. к. разрывают мир, представляющий собой единую структуру [1]. В вопросах внешней политики Гольдшейд, в отличие от социал-дарвинистов, не был империалистом и посылал большую часть своего времени созданию мирных отношений между народами и работе в пацифистском движении [17, S. 431]. Несмотря на доминирование в НСО позиций М. Вебера, содержательные различия во взглядах сооснователей на социологию, ее предмет и метод не давали возможности выработать единую научно-теоретическую линию, а его отставка облегчила его противникам проведение в жизнь своих решений. Основной целью НСО оставалось стремление сделать социологию отдельной самостоятельной наукой. Это стремление с годами все больше определяло характер его деятельности.

Основной ведущей силой процесса институционализации немецкой социологии был Ф. Тённис. Уже в 1894 г. он стал членом знаменитого в то время Международного института социологии в Париже и участвовал в работе его первого конгресса. Он поддерживал контакты со многими социологами своего времени [17, S. 27]. По инициативе Р. Гольдшейда НСО и Венское социологическое общество вошли в контакт с Институтом Сольвея в Брюсселе.

Этот социологический институт был основан в 1902 г. бельгийским промышленником Э. Сольвеем, приверженцем энергетического монизма и сторонником проведения «продуктивных» социальных реформ [18, S. 105]. Институт Сольвея запланировал выпуск немецкоязычного варианта своего Бюллетеня, но полностью осуществить этот проект не удалось. Вышел один лишь номер в июне 1914 г. под заголовком «Социологический архив» под редакцией Э. Ваксвейлера. Эта попытка издания социологического журнала совпала по времени с обращением НСО к 63 факультетам немецкоязычных университетов и институтов признать социологию в качестве учебной дисциплины.

С началом Первой мировой войны проведение запланированных мероприятий было отменено, а президиум постановил все силы и средства НСО направить на деятельность в области военной пропаганды. Запланированная поддержка выходившей три раза в неделю «Корреспонденции нейтральных» была лишь кратковременной [3, S. 5, 45].

НСО, начавшее свою работу под влиянием М. Вебера, оставило после себя в наследство программу институционализации конкретной самостоятельной науки. Но это наследство содержало и структурные проблемы, касающиеся академической компетенции социологии и ее научного характера.

Уже само основание НСО, а также жестко сформулированный постулат свободы от ценностей и акцентирование профессиональной компетенции имело причины не только научно-теоретического характера. То, что было обосновано теоретически, находилось в рамках академической борьбы того времени.

У многих членов НСО, подписавших организационное воззвание, было непростое положение в рамках своих собственных дисциплин. Некоторые из них не заняли еще серьезных позиций в своих научных отраслях и представляли собой мень-

шинство (юристы Г. Еллинек, Г. Канторович, теолог Э. Трёлльч). Иные, напротив, были уже мэтрами своих наук и определяли их теоретические направления (историки К. Брейзил и К. Лампрехт). Этим двум разным по статусу группам трудно было найти общий язык и выработать общую методологическую линию в социологии, что опять же превращало НСО порой в салон интеллектуальных говорунов. Дополнительные трудности были вызваны участием в работе НСО социал-демократов и представителей маргинальных реформистских групп, в состав которых входили Гольдшейд и Оппенгеймер.

Несмотря на то, что позитивную программу Вебера, предполагавшую осуществление исследовательской кооперации, до некоторой степени осуществить удалось, тем не менее, в отличие от других возникших в тот период научных объединений, перед НСО остро стояла проблема легитимации. Если оно действительно хотело стать академической организацией и, тем самым, представлять социологию как научную дисциплину, то ему следовало, с одной стороны, продемонстрировать научный характер своей деятельности, с другой – явную аполитичность, политическую невинность и безопасность для существующих государственных институтов. Такая установка хорошо выражалась словами В. Зомбарта: «Я был в те годы убежденным марксистом и в то же время королевским прусским профессором университета. Этот внутренний конфликт я пытался разрешить следующим образом: ценность не имеет отношения к науке, следовательно, я могу заниматься наукой совершенно независимо от той точки зрения, которой придерживаюсь» [19, S. 251].

Проблема институционализации социологии имела двоякий характер. М. Вебер со всей свойственной ему энергией предпринял попытку концептуально объединить членов НСО. Эта попытка была безуспешной. Но и после его ухода различия содержательного характера устранены не были. Общее стремление к институционализации социологии не могло скрыть отсутствие единства в рядах НСО. Даже существовавший в то время в Бельгии социологический институт Сольвея не был для многих немецких социологов организационным примером. Таковым являлся для них Международный Институт социологии, находящийся во Франции.

Литература

1. Goldscheid R. Monismus und Politik. Wien, Leipzig, 1913.
2. Verhandlungen des Ersten Deutschen Soziologentages. Tübingen, 1911.
3. Tönnis F. Die deutsche Gesellschaft für Soziologie // Kölner Vierteljahreshefte für Sozialwissenschaften. 1921. № 1.
4. Verhandlungen des Zweiten Deutschen Soziologentages. Tübingen, 1913.
5. Lindenlaub D. Richtungskämpfe im Verein für Sozialpolitik. Wiesbaden, 1967.
6. Henker H. Der Kampf um das sittliche Werturteil in der Nationalökonomie // Schmollers Jahrbuch. 1922. № 36.
7. Rusch M. Die Deutsche Statistische Gesellschaft // Jahrbuch für neue Statistik. 1913. № 101.
8. Weber M. Wissenschaft als Beruf. Stuttgart, 1995.
9. Oppenheimer F. Soziologie und Ökonomik // Monatsschrift für Sozialwissenschaft. 1909. № 1.
10. Oppenheimer F. Richtungen der neueren deutschen Soziologie. Jena, 1928.
11. Oppenheimer F. Erstrebtes, Erreichtes. Düsseldorf, 1964.
12. Bellow G. v. Entstehung der Soziologie. Jena, 1928.

13. Vleugles W. Ein System der Soziologie als werdender Universalität der Sozialwissenschaften // Schmollers Jahrbuch. 1930. № 44.
14. Oppenheimer F. Pseudoprobleme der Wirtschaftspolitik // Die Wirtschaftswissenschaft nach dem Kriege / Hrsg. M. Palyi. Bd. 1. Bonn, München, Leipzig, 1925.
15. Tönnis F. Rudolf Goldscheid 1870–1931 // Kölner Vierteljahreshefte für Sozialwissenschaften. 1931/32. № 10.
16. Goldscheid R. Soziologie und Geschichtswissenschaft // Annalen der Naturphilosophie. 1907/1908. № 7.
17. Tönnis F. Selbstdarstellung. Leipzig, 1922.
18. Solvay E. Energetik und positive Politik // Annalen der Naturphilosophie. 1910. № 9.
19. Wiese L. v. Werner Sombart zum 70. Geburtstag // Kölner Vierteljahreshefte für Sozialwissenschaften. 1933. № 11.